

ЮЛИЯ НОВАК

Мажор

НА КАНИКУЛАХ
Эй, деревенщина!
У нас война или любовь?

Юлия Новак
Мажор на каникулах.
Эй, деревенщина! У
нас война или любовь?

<https://litres.ru/74697099>

Аннотация

- Ну, Оля-Поля! В самом деле, чего ты завелась?
- Полина! Меня зовут Полина!
- Окей, – выплюнул я. – Согласись, ты тоже хороша. И за словом в карман не лезешь. Так что считай, мы квиты!
- Я... – ее губы дрогнули, а глаза были похожи на два острых айсберга.

Как же она меня бесит до скрипа в костях, до зубного скрежета! Я не выдержал вибрации в теле и нарастающей пульсации в висках. Подцепил ее маленький аккуратный подбородок пальцами, а потом не раздумывая впился в сочные губы. Но строптивая соседка уперлась ладошками в мою грудь. Ей все же удалось немного отклониться, а в следующую секунду мою щеку обжег мощный шлепок.

- Пошел вон, – яростно и почти шепотом протянула она.
- Эй, деревенщина! Я думал, у нас с тобой любовь, – прежде чем покинуть стены ее дома, решил немного поглумиться.

– Нет, Вышеславцев. У нас с тобой война!

Вместо того чтобы проводить беззаботно лето в родном городе, батя сослал меня в деревню к бабушке. Что я должен делать в такой глуши? Ума не приложу. Но одно знаю точно: с моей соседкой мне не придется скучать.

_____ История Михотки и Польши

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1.

Миша

– Ну и ды-ре-е-ень!

– Че успел уже заценить местных курочек? – ржет в трубку мой кореш Илюха.

– Ага, и телочек соседских. Ил, я ток в деревню заехал. Все колеса в навозе бл...

Друг еще больше закатывается диким смехом:

– Да-а-а... батя, твой, конечно, жжет в последнее время.

– Не то слово, – хмыкаю... – Вот че я тут делать буду все лето, клещей на жопу собирать, да доярок жарить? Говорил же, надо бабку в город перевозить, но нет, батя лучше меня сошлет в такую... Стой, дура!

Жму в полную силу по тормозам и во все глаза таращусь в лобовое. Секунда. Две. Оказывается, вот как проносится вся жизнь за один миг. Илюха продолжает там что-то тарыхтеть, но его голос уже раздается под пассажирским сидением.

– Это еще, что за чудо? – бормочу я, моргнув несколько раз.

– Идиотка, ты куда лезешь, еще и с коровой! – опустив стекло, выкрикиваю случайной жертве.

Хотя кто из нас еще жертва. Эта деревенщина со своей рогатой скотиной мне чуть капот не помяла.

Девушка сходит с дороги и резко разворачивается, вытаращив на меня свои большие голубые глазищи. То ли глухая, то ли немая? Стоит заворуженно смотрит, пока ее буренка уже траву щиплет у забора.

– Э, голова садовая? Я с тобой разговариваю!

– Со мной? – наконец-то подает голос это чужеродное создание. Еще так театрально прикладывает руку к груди.

– С тобой, с тобой. С кем еще-то? Хотя к твоей корове у меня тоже претензии имеются.

– К моей корове? – тихонько удивляется она.

– Ну, твоя же корова?

– Моя.

– Так, а каким ху... эм...

Жара сегодня несусветная. Хоть я и в салоне с кондером, но через окно палит нещадно. Мозги уже в кашу. Понимаю по одному побледневшему лицу этой недалекой, что перегибаю палку. Потому что губехи девчонки начинают дрожать и глаза вроде как на мокром месте. А, ну и еще желудок мой беснуется. Целый день на колесах. Сначала в городе по друзьям мотался, потом в деревню поехал. Хочется чего-нибудь пожевать. Бабка у меня вкусно готовит. Небось, там и стол давно накрыла.

– Лан. Считай, сегодня я слишком занят, чтобы с тобой разбираться.

И не дожидаясь, что она еще там из себя вытянет, я поднимаю стекло и, дав газу, выруливаю на другую улицу.

– Ну, где тут у меня бабулька живет?

Раньше родаки часто ссылали меня на все лето в деревню, а как школу закончил, то стал по друзьям прятаться. Я люблю свою бабушку и скучаю по ней, но проводить самые лучшие времена здесь, среди грядок и вонючего скота, уж лучше сразу в дерево головой вписаться. Это раньше приехал и носишься целый день то на озеро, то от местных хулиганов, потому что много задирался. А сейчас что? Хулиганы выросли, и я вместе с ними, а озеро вообще обмельчало. Большую часть камышом затянуло.

– Мих, че там у тебя?

– Ох, епт... Илюх, отключайся! – кричу я другу, всматриваясь в осевшие от пережитого прошлого домики, выискивая среди них знакомые рыжие ворота.

Я впиваюсь в родные места фарами, а солнце медленно катится к горизонту.

– Би-би! – громко извещаю о своем приезде, но калитка на воротах словно проржавела. Сидит как влитая.

Не отворяется дверца, не выходит навстречу мне бабуля. Даже занавески на окнах не колыхаются. Где же там притаилась Олимпиада Вадимовна Вышеславцева?

– Бабуль? – захожу во двор. Оглядываюсь. Из сарая доносится кудахтанье. – Пум-пурум. Ба?

Пол под подошвой издает скрип, когда я ступаю на первую ступеньку крыльца.

– Ба-а-а? – вхожу в дом, попадая на маленькую кухню. Бабушка едва шевелит губами, ее бледное лицо – это первое, на что я обращаю внимание. – Что с тобой?

Кидаюсь к бабуле. В голове злокачественная лихорадка. Тут и в пот бросает и одновременно морозит.

– Ми... Ми-шень-ка, – тихо шепчет бабушка, но смотрит не на меня, а мимо.

Я оборачиваюсь, натываясь на кухонные шкафчики. Выдвигаю ящики поочередно. «Наверняка она пытается попросить лекарство», – догадываюсь я. Дальше действую механически. Найти нужный пузырек, или упаковку таблеток, вызвать скорую. Не знаю, как долго я провожу в таком состоянии, но в себя прихожу, как только оттенок кожи лица моей бабули приобретает человеческий вид. Все благодаря вовремя приехавшей скорой.

– Олимпиада Вадимовна, в вашем возрасте беречь себя нужно, – обращается к бабушке доктор. Я зажмуриваюсь, потому что этот дядечка с седой бородкой, только что подписал себе смертный приговор.

– В моем возрасте, – твердо повторяет за ним ба. – Слышь, старый, да у тебя у самого песок из глаз уже сыпется. Очки протри.

Бабушка откидывает с ног одеяло и, не обращая на выпавшего в осадок докторишку, пытается подняться.

– Ба, стой, – кидаюсь ей на подмогу я. Как раз вовремя. Она снова хватается за сердце. – Мож, тебе все-таки в боль-

ничку?

– Молодой человек дело говорит, – тут в беседу снова включается доктор, похоже, до сих пор не до конца отошедший от шока.

– Мишенька, внучек мой, – вскидывает бровь бабуля, обращаясь к доктору. – С города приехал. Давно не виделись. Как же я его одного здесь оставлю. У нас впереди еще огород работы. А куры? Кур я куда дену?

– Так вот, вы сами сказали: Мишенька, внучек. Он и посмотрит, верно? – док подкидывает ей незавидную для меня идею.

Нет, мне, конечно, и так, светило два с половиной месяца строгача, но не думал, что вот так с порога осчастливят.

Глава 2

Полина

– Так-с буренку на пастбище отвела. Карасей на рынке у Емели купила. Теперь надо бы их почистить, – бормотала себе под нос я, пока шла до бани за ведерком.

Сначала водички наберу. Благо колодец во дворе и ходить далеко не надо. А уж потом рыбой займусь.

– *А я такая по серпантину, шляпа слетает, а я надвину...* – стала напевать любимую песню, не боясь разбудить всех соседей.

Справа от меня живут-поживают тихая семейка из двух человек, которые сейчас в отпуске и на море уехали. А слева в небольшой избушке притаилась добродушная бабушка Олимпиада Вадимовна. И в это время она, как правило, уже тоже не спит.

– Ай! – взвизгнула я и выронила из рук ведро. Куплет песни напрочь вылетел из головы, потому что я недоуменно таращилась на полуобнаженного парня у своего колодца.

Крепкие широкие плечи с хорошо развитой мускулатурой переливались блеском солнечных лучей, в них же утопали и его подтянутый упругий живот, рельефный торс с кубиками пресса. Не качок стероидный, но еще тот атлет. Посмотреть есть на что, и пощупать, наверное, тоже. Стыдно и страшно

стало от подобных мыслей. Это в любовных романах у героини всегда все просто, а мне принца и до пенсии не сыскать. Привиделся, не иначе. Надо бы холодной водицей умыться.

Незнакомец водил татуированной кистью руки по своему затылку и тарасился недоуменно на меня в ответ. Хотя, присмотревшись в его наглые бесовские глаза, я уже не была уверена в том, являлся ли он для меня незнакомцем.

– Ты?! – парень подтвердил мою догадку и оказался вполне реальным. Вполне реальным засранцем!

Я, перебарывая шок и волнение, наклонилась, чтобы поднять ведро.

– Ты че меня преследуешь?

– Это я тебя преследую? – вытянулась во весь свой полтора-рашечный рост и вспыхнула фейерверком.

Если вчера я как следует не наваляла этому наглецу на крутой тачке, то сейчас не собиралась терпеть и дальше его возмущения. – Ты – королек, – я подошла к нему почти вплотную, сжимая крепко металлическую ручку. – Ваше Высочество, спустись на землю. Вчера меня и мою корову чуть в асфальт не закатал, а сегодня разгуливаешь по моему огороду в одних шортах, кидая обвинения, которые к моей персоне вообще отношения не имеют.

– Это я не закатал? – хмыкает парень. – Ты и твоя корова чуть не выписали себе билет на циферки длиннее номера мобильного. И нет, деревенщина – это я сейчас не про звонок в службу спасения, а про сумму, которую ты бы за всю

жизнь не отработала. Знаешь хоть сколько стоит мой...

– Послушай сюда, – я повертела в руках ведро, намекая на дальнейшее свое намерение.

– Ненормальная, – буркнул он. В его голосе уже было меньше спеси. Он даже отступил на пару шажков. – Ба, говорила, что соседка у нее очень милая. Ага, прямо полевой одуванчик, – ухмыльнулся своими полными губами он.

У меня нервно екнуло сердце от этой его улыбки, но я потрясла головой, отбрасывая в сторону странный недуг.

– Правильно говорила. Для кого-то, может, и одуванчик, только точно не для таких, как ты: высокомерных, наглых и циничных мажоров.

В его глазах вспыхнул острый огонек, который не сулил мне ничего хорошего. Я сильнее сжала ручку ведра, а парень шагнул прямо на меня. Ох, если бы только не мое конусообразное металлическое сооружение, уж не знаю, чтобы он со мной сделал. Наверное, в колоде утопил. А так, пока между нами была хоть какая-то преграда.

– Дерзкая, да? – скорее вопрос был риторическим. По его мимике, жестам и интонации голоса было ясно, что ему вообще до лампочки Ильича какая я на самом деле. – Ломаешь стереотип о деревенской клуше.

А потом меня вдруг словно молнией прошибло. Колодец-то у меня один, но делим мы его вместе с моей добродушной соседкой бабушкой Олимпиадой.

– Ба, говорила, – пробормотала я и уставилась в изумле-

ние в его синие глаза. – Так, ты тот самый городской внучек Миша, который прожигает жизнь за счет своего отца, а к бабушке наведается разве что только за наследством, когда ее... Ой!

Я снова выронила ведро и прижала ладони к губам. Часто заморгала, прогоняя нахлынувшие мгновенно слезы.

– А-а-а! – заорал парень.

Блин! Ведерко упало прямо на его ноги, а точнее по пальцам, торчащим из шлепанцев.

– Ты не голова садовая, а ведьма бедовая! – он схватил меня за плечи и затряс. – Что ты там про мою бабушку напридумывала?

– Я... я... – по щекам хлынули ручьи слез, и я опустила глаза.

– О-ой, только без драмы. Не люблю все эти сопли ваши девчачьи!

– О-ол... Олимпиада В-вадимовна, – чуть заикаясь пробормотала я и посмотрела на мажора исподлобья. На глаза упали пару коротких волосков, выбившихся из колоска. Тихонько всхлипнув, я попыталась их сдуть. – Что с ней?

– Все хорошо с бабулей моей, – парень подцепил пальцами пару моих волосков и завел их за ухо. Волнение мелкими электрическими токами пришлось по коже. – В больничке подлечат и совсем как новая будет.

– Как? Что? Как в больничке? – шок. Неверие. И ни секунды на обдумывание. – Да ты, что за засранец-то такой.

Ради наследства готов родную бабушку на тот свет свести?

– Чи-и-во-о? – так искренне удивился он. – Эй, одуванчик. Ты совсем ку-ку?!

Он скрестил руки у груди и нахмурился.

– Хочешь сказать, что это не так? – я до сих пор держала его в подозреваемых.

Его выражение лица было непробиваемым, а вот в глазах мелькало что-то такое. Чему я не могла подобрать объяснения. Неужели, это обида?

– Однажды ты пожалеешь о своих словах, – выругался он. Развернулся и направился к себе.

– Постой...

– Что еще? – обернулся мой новый сосед.

– А воды? Ты же за водой приходил.

– Сама пей свою воду. Я лучше до магазина прокачусь.

«Обиделся все-таки», – подумала я. Подняла ведро. Пошла к колодцу, чувствуя, как на сердце тяжелым камнем начинает давить вина. Пыталась найти себе оправдания. В конце концов, этот мажор первый мне нахамил.

Глава 3

Миша

– Ты только не забудь вечером полить грядки, Мишенька!

– Полью-полью, ба! Не беспокойся! На сок пей. Апельсиновый, как ты любишь, – взял с тумбы кружку, а бабушка в это время, как-то таинственно мне улыбнулась. – Что такое?

– Вот сорванец. Запомнил же, – она отпила немного, а потом снова затеяла свою любимую тему. – Помидоры только не трогай. Им ниче не будет, еще дня два хай стоят. А вот огурчики... огурчики бы надо каждый вечер.

– Ба, да не волнуйся ты так, – заверил ее я.

– Ага, – кивнула она, посмотрев на меня в который раз с сомнением.

Часы приема закончились. Бабушка легла отдыхать, а я покинул больницу со спокойной душой. Спокойной душой и громко урчащим желудком.

– Как же жрать хочется, – потер живот. Оглянулся. – Ну и хде тут местные рестораны?

«Мих, протри глаза. Какие рестораны в деревне?»

Сел в машину. Покатался. Покрутился вокруг да около. Откопал на центральной площади небольшую кафешку. Хотя буфет у нас в универе и то поразнообразнее будет на заморские деликатесы. Здесь из съестного нашлось разве что

жижа неприглядная под названием «уха», да остатки макарон. В общем, психанул. Поехал до ближайшего магазина. Там набрал всякого неоднакого и домой скорее. Пока самая жара, можно поваляться на диване, да кинчик глянуть.

Не успел войти во двор, как собрал на свои белые дизайнерские кроссы куриный помет.

– Что за херувим? – закатил глаза, пару раз еще крепко выругавшись. – Че вы тут делаете, пернатые? У вас же сарайка за забором. И как только перелететь умудрились...

– Может, нужно было просто за собой калитку закрыть?

– О, моя бесовская проблема намбер ван объявилась. Давненько не виделась, – глянул на циферблат своих ролексов, чтобы отсчитать часы нашей с ней разлуки.

– Все парируешь, – причмокнула она своими сочными малиновыми губами. Это, что еще за кокетство? Но меня не проведешь. В городе столько сосок поимел. Даже для сиюминутного удовольствия связываться с такой, как эта ненормальная? Да ну на фиг!

А потом я увидел это! Пошел на аромат, как котик на сметанку.

– Ты же поделишься? – скорее не спрашивал, а намеревался ее нагло обворовать.

– Я... ты... эм... – пока соседка вспоминала алфавит и училась говорить по слогам, я выдернул из ее рук контейнер. Чуть не забрызгал офигевшую девчонку слюной. – Ну ладно...

– Что ты говоришь? – достав наружу, что-то весьма аппетитное, а им оказался пирог. Да еще и с рыбы. Я вцепился зубами в край. Прожевал. Замычал от непередаваемого удовольствия, наверное, напомним этой. Блин, даже имени ее не знаю. Оля, Лёля, а может вообще Зоя. Бабушка что-то говорила, но я не запомнил. В общем, по глазам ее вижу, что с коровой своей меня сравнила. – Вкусно, Оля!

– Поля, – реснички затрепетали. Щечки порозовели. А вот в глазах загорелось настоящее адовое кострище.

– Что?

– Полина! Меня зовут По-ли-на!

– А-а, – многозначно протянул я и пожал ей руку. – Ну я доем, Полина, – повертел перед ней надкусанным куском и пошел в дом.

В зале я упал на диван. Полулежа стал жевать пирог. Я был настолько голоден, что даже на крошки уже не обращал внимания. Потом соберу. Утоляя потихоньку голод, начал листать каналы, как вдруг из кухни раздалось какое-то бряканье.

– Я думал, мыши завелись, – а это ушлая Поля по шкафам шуршала, как у себя дома, полностью игнорируя мое присутствие.

Я положил недоеденный кусок пирога в контейнер на столе и двинулся к соседке. Когда почти вплотную встал за ее спиной, Полина напряглась, сидя на корточках, и резко замерла.

– Что тебе нужно? – тихонько сквозь зубы процедила она и аккуратно развернулась через плечо.

Возвышаясь над ней могучей горой, я посмотрел вниз на соседку. Усмехнулся. Мне определенно нравилось то, что я видел перед собой. И не только мне. В трусах стало тесно. Положил руку на свой стояк, поправляя боевую готовность. А эта деревенщина, проследив за моим действием, испуганно вытаращила глаза. Она резко встала. Да настолько резко, что я даже отойти не успел.

– Ай! – мы врезались лбами. – Ты че ошалелая?!

– Онанист хренов! – Полина вспыхнула. Выудила из шкафа какую-то миску и понеслась с ней на улицу.

Я, пару раз хохотнув, пошел за ней вслед.

– Не, а че не так-то? – крикнул ей вдогонку. – Э, деревенщина. Ты куда?

Девчонка с посудиной в руках скрылась в бабушкином сарае. Заглянул осторожно, потому что утром после нашего randevu у колодца я уже попытал счастье собрать куриный урожай, только надышавшись пылью мятого сена и помета, я чуть головой о пол не приложился.

– Че, ты тут делаешь? – сморщился и махнул рукой на пролетающее мимо носа перышко.

– Яйца собираю. Не видно, что ли?

– Их там нет. Я утром смотрел.

Она хмыкнула, не отрываясь от своего занятия, и посмотрела на меня искоса:

– Если ты их там не нашел, это не значит, что их там нет.

– Глазастая самая?

– Что, мальчик-белоручка, брезговал руками по гнездам пошуршать?

Нокаутировала одним взмахом ресниц. Подошла вплотную и чуть ли не под нос мне двинула миску, полную яиц.

Глава 4

Полина

Ухаживать за великовозрастной женщиной. Помогать ей по хозяйству – сердечное дело. Но наниматься в няньки к здоровому лбу, я никак не планировала.

Миша. Мишенька. Михотка. Прямо как вехотка, моя бежевая в бане на крючке висит, так и он, этот мажор наглый и самоуверенный повис на моей шее. Ну как повис? Скорее, я сама на себя взвалила эту проблемную ношу. Мне просто страшно, что пока Олимпиада Вадимовна в больнице этот недовесок ей весь участок спалит вместе с огородом, курами, домом, а потом еще и меня по соседству захватит. Вот и решила я приглядеть за ним исподтишка.

Пригнала Дуньку с пастбища. Пока моя труженица корм поедала. Я занималась вечерней дойкой. А тут уже и время поливать грядки. Да только до своих я не успела добраться. За забором на участке у Олимпиады Вадимовны опять случилось что-то нехорошее.

– А-а-а... да бл...! – заорал мажор.

Через щели в заборе я успела разглядеть его силуэт. А точнее, тело, развалившееся между грядок в обнимку с лейкой. Ну ни на минуту нельзя оставить его одного...

– Позагорать решил? – прибежала на помощь, но не удерж...

жалась от колкости.

Красивое лицо соседа было искажено маской страдания и боли. То ли ноги переломал? Бегло оглядела его и наклонилась, протягивая руку.

— Очень смешно, — как маленький пискнул он, но за руку схватился.

— Вот же ж. Крепкий какой!

Он бросил лейку и попытался подняться, да не тут-то было.

— Ой-ей! — завизжала я.

Михотка-вехотка вернулся в исходное положение, еще и меня за собой утащил. Благо я свалилась на его тело, а не рядом. Потому что этот хрен городской вместо грядок ряды водой залил и, как поросю купался в мокрой земле. Видимо, засосало его это болото, так запутавшись в собственных ногах, он и свалился.

— М-м... — промычал он, зажмурившись.

А я... я забыла, как дышать. Наши лица были совсем близко. Я чувствовала его дыхание. Трепет длинных светлых ресниц. Да, именно длинных. Даже когда я свои подкручиваю тушью, и то такой длины не получается. Природа нашла, чем наградить парня.

— Что ты делаешь? — завопила я.

Этот недоумок начал спихивать меня в сторону. Я руками провалилась в сырую землю. А он своими грязными наверняка измазал мне все волосы. Еще и правой стороной своего

тела я завалилась на грядку с молодыми ростками моркови.

– Слезай давай, – крикнул он, а руками уже бесстыже лапал меня и за талию, и за попу. Конечно, я начала махаться. Пару раз удалось его хорошенько шлепнуть, а потом я кое-как поднялась на ноги.

– Решил свою бабушку нынче без урожая оставить? – посмотрела на помятые грядки и, перекинув косу за спину, хотела убежать с гордо поднятой головой.

– Оля-Поля, не время строить из себя праведницу. У меня походу растяжение, – он оторвался головой от земли и сел, потирая лодыжку.

– Да что ты такое говоришь? – совсем неуверенно протянула я и присела. Стала щупать, растирать. Мажор пару раз взвыл, но потом вдруг притих.

– Какие у тебя ручки нежные... И вот тут побаливает. Разомни еще немножко, – он повел мои руки по колену, выше. Выше. Выше. Я остановилась массировать, когда он начал заводить мои ладони под край своих шорт.

– Что ты себе позволяешь?! – отдернула руки, хлестанула его от всей души по ляжке и отшатнулась, как от прокаженного.

– Ай! Чокнутая! – снова взвыл мажор. – Помоги?

Хотел было ухватиться за меня, но я больше не собиралась с ним тут, посреди огорода, закаты встречать. Отошла на пару шагов скрестив руки у груди.

– Да, бл... и жопа вся вымокла, – он, как колобок, пока-

тался на одном месте, но все же изловчился и поднялся во весь свой могучий рост, нависая надо мной хмурой тучей.

– И футболка тоже, – чуть дрогнувшим голосом пробормотала я.

– Ну да...

Миша одним молниеносным движением стянул ее с себя через голову снова сверкая передо мной своим голым торси-ком.

– Нудист хренов, – я закатила глаза.

– Надо бы помыться, – хмыкнул он. – Пустишь?

– Куда?

– В свой колодец, – на полных губах появилась беззаботная улыбка.

– Колодец? – пискнула я. – Совсем ку-ку? – постучала пальцем по виску. – Вода там ледяная. Пошли в баню. Вчера топила. В чане должна остаться теплая.

– Вот это твое предложение куда интереснее.

Насвистывая мне в спину, двинулся за мной Вышеславцев.

– У вас-то наверняка фляги в бане пустые, – предположила я вслух.

– Фляги? В бане?

– Угу, – я застыла у своего предбанника и удивленно посмотрела на мажора. – Скажи еще, что не знал о бане на участке бабушки.

– Нет, я просто... – начал юлить он.

– А где, по-твоему, твоя бабушка моется. На кухне в умывальнике? – с ехидством добавила я.

Сами там в городе купаются во всех роскошных благах цивилизации, а бабушка выживай тут одна. Этого я, конечно же, мажору не решилась высказать. И так, выглядел он сейчас, мягко говоря, не очень.

– Проходи, – мы по очереди нырнули через предбанник в баню.

Михотке-вехотке пришлось немного согнуться. Банька у меня старенькая, потолок низкий. Парень в этих декорациях смотрелся прямо-таки русским богатырем.

Я потрогала пальчиками в чане водичку, удостоверившись в своих словах.

– Еле тепленькая, но это все же лучше, чем во фляге, – мажор крутил головой по сторонам, будто в Нарнию попал. – На вот держи ковш. А я пока в дом за полотенцем сбегаяю.

– Поль? – он взял меня за руку. Я вздрогнула.

– Что? – мой голос стал тихим. Только сейчас поняла, что сама загнала себя в ловушку. Какого фига я к себе в баню его привела? Мы же тут совсем одни в перепачканной и промокшей одежде. В случае чего даже позвать некого. А если он совсем двинутый? Ну как тогда на кухне... – Ты совсем о... – я дар речи потеряла. Даже дыхание перехватило.

Пока стояла, размышляла о его адекватности, он окончательно ее разуверил во мне. Выдернула из его рук ковш и замахнулась. Парень ластами своими, ой, точнее ладошками

стал прикрываться.

– Эй, деревенщина! Успокойся. Я ж как лучше хотел, – а сам уже лыбой скалится и пальцами к моим мокрым волосам тянется. – Вон земельку со лба смыл и косу твою почистил.

Хоп-хоп, стал мне ее расплетать. Я шлепнула его по рукам и отпрыгнула.

– Ну ты дикарка. Не хочешь, как хочешь.

– А-а-а! – завизжала я и резко отвернулась. – Королек Ваше Высочество! У тебя стыд совсем отсутствует? Я вообще-то еще здесь!

Мажор окончательно потерял совесть, когда прямо на моих глазах стянул с себя грязные шорты вместе с трусами. Я дрожащими ногами уже скорее стала двигаться к двери, пока он не удумал чего похлеще.

Миша рассмеялся и кинул мне в ответ:

– Чего же тут стыдиться? Сама посмотри, – я чуть не задохнулась от его наглости. – А знаешь, ты меня спасла. Так что заслужила. Можешь даже потрогать...

Я резко хлопнула дверью. Щеки горели. Сердечный пульс бил по вискам. Неслась до дому не разбирая дороги. Любит разгуливать по деревне голышом. Вот и пусть домой в таком же виде добирается. Хрен ему, а не полотенце.

Глава 5

Миша

– М-м, – легкие полыхали, словно я с утра успел закинуть в себя горящие угли. А горло щипало так, будто кто внутри наждачкой по стенкам водил.

Еле спустил ноги с дивана и, протирая глаза, двинулся к умывальнику. Из зеркала на меня смотрел чувак с опухшими красными глазами.

– Акх-кх, – вот и кашель пожаловал. – А-а-а, – в голос застонал я, пытаюсь отыскать в доме аптечку.

Порылся на кухне в шкафчике, где находился пузырек с волшебными таблетками ба, но ничего путного не нашел. Потом двинулся в зал и полез в сервант. Наткнулся на органайзер с медикаментами, только добравшись до верхней полки. А толку. Ни одной ледышки для смягчения боли в горле.

Пришлось ехать до аптеки. На обратном пути почувствовал, как футболка стала к спине липнуть. На лице тоже выбивались капли пота. Кандер вообще не спасал. Ближе к дому в глазах стало темнеть. Кто-то выбежал на дорогу.

– Стой! – прохрипел я виляя, и дал по тормозам.

Открыл дверь, высовываясь из машины. По глазам ударило солнце, а по голове изматывающий зной.

– У тебя мания? Все не терпится меня на тот свет отправить?

Рядом раздался голос моей любимой соседки. «Стоп, Мих. Какой на хрен бл... еще любимый?», – мысленно стукнул себе по яйцам.

– Не голоси, лисичка! – прищурился. Ее голос вдруг начал таять, словно сахарная вата на языке, а милое личико (мне точно солнце по башке шандарахнуло. Нет, я нахожу деревенщину милой, и даже красивой. Причем красота у нее такая живая, но в то же время меланхоличная. Особенно она отражается в блеске ее васильковых глаз и огненно-рыжих волосах. Только почаще надо себе напоминать, что она колхоз и характер у девчонки совсем несносный) расплывается, теряя черты.

– Э, мажор. Какая я тебе лисичка?

– Маленькая со вздернутым носом, – будто в бреду нес полную ахинею я.

– Ты че головой где приложился?

Вот и я так думаю, но вслух уже вообще ничего не говорю. Хочу плюхнуться обратно в салон на сиденье. Ни хера не вижу. Все вокруг расплывается. А голос соседки все тает и тает.

Я только руку успеваю вперед вытянуть. Пытаюсь за волосы ухватиться. Мне кажется, ее блестящие пряди летают, словно беспокойный ветер, норовя задеть мою щеку.

– У-у-у... Михотка-вехотка, да у тебя жар.

– Горю-горю, соседushка, – проталкиваю сквозь смех, а на глазах выступают слезы, будто курнул чего забористого.

– Боже, Миша, это я виновата, – тихонько всхлипывает она.

– М-м, – мычу я, потому что эта девица с характером тащит меня куда-то. По крайней мере, я ощущаю, как мои ноги едва двигаются по твердой почве, а сам я почти повис на деревенщине.

– Давай-давай! Еще несколько шажков. Мы уже почти пришли.

Потом я словно падаю, или она меня толкает. Знобит, как при смертельной лихорадке.

– А-а-а, – воплю я, но плюхаюсь совсем не на землю, а на что-то мягкое.

Стены пляшут, потолок скачет. Я уже точно не на улице, а в доме. Обстановка кажется незнакомой. Я чувствую адский жар, но при этом мне нестерпимо холодно и хочется забраться под сотню одеял.

– Тачка, – шиплю я. Я же ее прямо на дороге бросил. В голове полная неразбериха и язык, как назло, совсем отяжелел.

– Ниче с твоей тачкой не случится. На вот температуру мерь, – она что-то холодное пихает мне в подмышку, задрав футболку. – А я пока Михалычу нашему участковому позво-ню. Он твою махину к дому подгонит.

И после этих слов я проваливаюсь в сон. Сон бредовый.

Отрывистый. Скачкообразный, будто меня по кочкам везут.

– Деревце... че это... – я открываю глаза и понимаю, что кости больше не ломает. Хочу заорать, что она мне такое горячее в рот пытается залить, но потом сфокусировавшись и сам вижу какую-то непонятную, только аппетитно пахнущую жижу.

Полина снова тянет ложку к моим губам. А я с наслаждением втягиваю. Еще ничего вкуснее в жизни не ел.

– Давай-давай! Скоро снова огурчиком бегать будешь! – потом я врезаюсь взглядом в ее пухлые губки, растянутые едва заметной улыбкой, и мне кажется, я снова слепну.

– Что это за зелье волшебное?

– Обычный куриный бульон, – Поля подносит ложку к моим губам, а я вспоминаю детство. Как меня ба лечила и ухаживала за мной, пока я болел. Обычно эта роль свойственна матерям. Но моя маменция, как и батя, уж больно деловая. Вся вечно в работе. Вот и привозили они к нам бабулю. Возилась она со мной до тех пор, пока не выздоровею и не начну ходить в сад.

– Не, точно не обычный. Обычный бы не привел меня в чувство всего за каких-то пару минут.

– Минут? – ошарашенно смотрит на меня соседка. – Микотка, прошло двое суток с того дня, когда я тебе домой привела в полуобморочном состоянии.

– Акх-кх, – я закашливаюсь. Бульон выходит через ноздри. – Что-о-о?

– Одним бульоном тут не обошлось. Извиняйте, Высочество, но в вашу королевскую задницу пришлось немного укольчики потыкать.

– Ы-ы... – взвыл я, прислушиваясь к ощущениям. Ягодичи и правда побаливали. Не сразу это заметил.

– Понравилась? – с прищуром покосился на Полину.

– Кто?

– Задница моя, говорю, понравилась?

Она мгновенно вспыхивает, потом резко толкает мне ложку в рот, что приходится ее зажать между зубами, чтобы не упала, потому что соседка уже резко поднимается. Всучив мне в руки тарелку с супом, она поправляет цветастый сарафан цвета ее васильковых глаз и направляется к дверному проему.

– Эй, деревенщина, а ты куда собралась?

Полина потопталась на месте, вцепившись в меня пронзительным взглядом, а потом подошла. Я полулежал, полусидел. Тарелку с ложкой переложил на столик у дивана. Дыхание перехватило. Насторожился. А эта ненормальная, как возьмет, да и со всего маху как пятерней зарядит мне по затылку.

– Ты че творишь?

– Хватит оскорблять меня в собственном доме. Как только на ноги поднимешься – проваливай!

Глава 6

Миша

– Хэ-хэй, соседка?

С дивана я поднялся только следующим утром. Уж больно уютно было бока пролеживать. А еще этот жгучий деревенский одуванчик так вкусно готовит, что я немного притворился умирающим.

– Поля, Поля, Полюшка, – стал насвистывать ее имя.

Из зала было два выхода на кухню через арочный проем и через дверь в какую-то комнату. Сломленный любопытством, я, конечно же, решил заглянуть именно через дверь в какую-то комнату.

Тихонько открыл ее. Хозяйки там не обнаружил. Мебель свидетельствовала о спальню комнате. Вероятнее всего, Полининой. Потому что бабушка говорила, что девчонка круглая сирота и живет одна.

Здесь у стены стояла односпальная кровать, как в допотопных фильмах про деревенскую жизнь. Железная и наверняка такая же скрипучая. Что касательно последнего я растянулся в довольной улыбке, вообразив весьма пошлую картинку с участием деревенщины и меня. Тут же в паху появилось знакомое раздражающее напряжение. Впрочем, реакция вполне здоровая. Ведь у этого дикого одуванчика бы-

ло вполне аппетитное тело. Худая, но с сиськами, что надо. Такие мячики сразу же хочется помять. Я до сих пор помню их прижатыми к моему телу, когда мы валялись между грядами. Но мне на фиг не упало связываться с деревенщиной, такая зажатая скромница-огородница на мимолетный перепахон вряд ли согласится.

С кровати переключил внимание на полку, где стояли всякие безделушки, а еще несколько мягких игрушек. Дымящая шляпа сразу поникла. Вот как можно воображать секс с соседкой, когда она еще в игрушки играет? Которые совсем не из секс-шопа...

– Пип, – ткнул указательным пальцем в нос плюшевого зайца.

За шкафом увидел стену, увешанную иконами. Место наминало молеальный угол. Никогда бы не подумал, что эта девчонка такая религиозная.

– Ты что тут делаешь? Выметайся из моей спальни! – я, самодовольно усмехнувшись, развернулся.

Разъяренная бестия. Полина выглядела так, словно только что кросс пробежала. Нежные щеки полыхали алыми всполохами. Волосы, как обычно, заплетены в косу, но редкие пряди сбились, небрежно покинув ровный строй, и норовили залезть в ее горящие диким блеском глаза.

– Деве-е-н-щина, – дразняще лениво протянул я.

– Сейчас же покинь мою спальню!

– А то что? – двинулся на нее, не спуская глаз. Бешенство

сменилось легким испугом, который она тут же в себе подавила.

– А то... а то... – глаза лихорадочно забегали по комнате. Полина подбежала к шкафу и на одной из полок схватила толстую книгу в твердом переплете.

– Ладно-ладно понял, – поднял руки ладонками к ней. Осторожно покинул ее комнату. Соседка вышла вслед за мной, плотно закрыв за собой дверь.

Я понял, что посягнул на что-то личное. Возможно, дело было в молельном уголке. Но расспрашивать сейчас любопытства ради было бы весьма неприлично.

– Что ж ты за человек такой? Сначала чуть не сбиваешь, потом всячески хамишь. Лезешь в мою жизнь, словно тебе есть до меня какое-то дело, – в ее глазах появился едва заметный блеск. Неужели она собралась плакать?

Внутри меня что-то оборвалось и ухнуло вниз.

– Тебя не было нигде. Я думал...

– Думал, что? – резким голосом она оборвала меня. – Думал, что тебе все можно? Убирайся из моего дома!

Я был вконец ошарашен ее реакцией на то, что я побывал в ее спальне. И задумчиво провел пятерней по затылку.

– Ну, Оля-Поля! В самом деле, чего ты завелась?

– Полина! – чуть ли не взвизгнула соседка и двинулась на меня. Мы стояли друг к другу так близко, что сейчас я ощущал на себе ее рваное дыхание. – Меня зовут Полина!

– Окей, – выплюнул я. Честно говоря, раздражение нака-

тило, теперь ударив прямо в мозг, застывая в моих глазах здравый рассудок.

Я схватил Полю за плечи и легонько затряс.

– Согласись, ты тоже хороша. И за словом в карман не лезешь. Я в свой адрес не меньше наслушался. Так что считай, мы квиты!

– Я... я... – губы дрогнули, а глаза были похожа на два острых айсберга.

– Эй, де... эм... соседка, ну че ты в самом деле. Давай только без водопада?

Пальцем подцепил ее слезинку. Она вздрогнула и посмотрела на меня долгим изучающим взглядом.

– Хочу и реву. Вообще-то, я у себя дома.

– Аргумент.

Как же бесит до скрипа в костях, до зубного скрежета. Я не выдержал вибрации в теле, нарастающей пульсации в висках. Подцепил ее маленький аккуратный подбородок пальцами, а потом не раздумывая впился в сочные губы, намереваясь всосать в себя, как можно больше.

Сначала она уперлась ладошками в мою грудь, потом ей все же удалось немного отклониться, а в следующую секунду мою щеку обжег мощный шлепок от ее ладони.

Я отпрянул хамовато и, озверевши, посмотрев на девчонку.

– Пошел вон, – яростно и почти шепотом медленно протянула она.

– Эй, деревенщина! А я думал, у нас с тобой любовь, – прежде чем покинуть стены ее дома, решил немного поглотиться.

Костерок по имени Полина распалилась еще больше.

– Нет, Вышеславцев. У нас с тобой война!

Глава 7

Полина

Наглый. Бессовестный. Развязный хам. Да как он мог?

Я прижимаю ладонь к губам. Печет. Неимоверно. Будто пчела ужалила. Меня всю трясет. Хочется плакать или что-нибудь разбить. Я снова вспоминаю, как всего каких-то

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.